

МАМЫ НУЖНЫ

ПОЛИТИКИ ОБРАТИЛИ ВНИМАНИЕ НА ТЕМУ СИРОТСТВА В 2012 ГОДУ, КОГДА ГОСДУМА ПРИНЯЛА «ЗАКОН ДИМЫ ЯКОВЛЕВА»: ЗАПРЕТИЛА УСЫНОВЛЕНИЕ РУССКИХ СИРОТ ГРАЖДАНАМИ США. ПОСЛЕ ЕГО ПРИНЯТИЯ ПРОФЕССИОНАЛАМ В ОБЛАСТИ РАБОТЫ С СИРОТАМИ УДАЛОСЬ «УДЕРЖАТЬ ТЕМУ В ТОПЕ» И ВНЕСТИ ОКОЛО 40 ВАЖНЫХ ПОПРАВКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ.

СОФИЯ ШАЙДУЛЛИНА

С 2013 по 2016 год федеральный банк данных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сократился вдвое и сейчас насчитывает чуть меньше 60 тыс. детей. Из них: 77% — подростки, 30% — дети с инвалидностью, 50% — братья-сестры (подросток с диагнозом, имеет брата и сестру; подросток здоров, но его брат или сестра имеют инвалидность, а разлучать их по Семейному кодексу нельзя). Около 5,8 тыс. детей ежегодно возвращаются из приемных и опекунских семей в сиротские учреждения. По прогнозам к концу 2017 года среди сирот будет 90% подростков.

СИГНАЛ НЕ ПРОХОДИТ Главная задача утвержденной правительством Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы — постепенный перевод всех сирот из детских домов на семейные формы воспитания. Доказано, что традиционный детский дом делает сирот озлобленными, обиженными на весь мир и не готовыми к дальнейшей взрослой жизни. Исследователи Бухарестского проекта по раннему вмешательству на протяжении 12 лет вели наблюдение за 136 сиротами: половину «раздали» в семьи, а половину оставили в детских учреждениях. Все прочие условия: состояние здоровья детей и материальный уровень обеспечения — были равными. Но в мозгу детей, оставшихся в государственных учреждениях, по прошествии восьми лет наблюдений осталось в разы меньше белого вещества (нервных волокон, проводящих сигналы между участками мозга), чем у тех, кто жил в семьях. Нехватка белого вещества вызывала у этих сирот многочисленные неврологические и психиатрические расстройства, в их числе была даже шизофрения.

Полтора года назад детские дома в России формально исчезли: с осени 2015 года все сиротские учреждения в стране переименовали и, что сложнее, попытались заставить работать по-новому. В Семейный кодекс РФ внесли изменения, согласно которым нахождение ребенка в детском доме стало считаться «временной мерой до его семейного устройства». «Это изменило суть деятельности сиротского учреждения: теперь об эффективности детдома судят по тому, как долго ребенок в нем находится», — объясняет член координационного совета при президенте РФ по реализации «Национальной стратегии» доктор психологических наук Галина Семья.

В 2015 году в России насчитывалось 1646 детских домов, и планировалось сократить их количество вдвое к 2018 году. «Главный барьер — это сопротивление персонала. Одни верят в то, что ребенку в детском доме лучше, чем в приемной семье, другие просто боятся потерять место работы. Руководитель должен понимать, для чего меняться. А после этого можно хоть горы свернуть», — говорит Галина Семья.

Постановление правительства обязало каждое сиротское учреждение создать для детей, которые пока у них живут, условия, похожие на жизнь в обычной семье. Учреждениям, которые, как правило, занимают здания советских детских садов, понадобилась для этого серьезная перепланировка: теперь сирота должен жить в помещениях, похожих на квартиры — с кухней, спальней, общей комнатой. Помимо этого ребенка теперь нельзя переводить из группы в группу без веских оснований: он должен находиться с одним и тем же воспитателем все время, чтобы у ребенка и взрослого могла возникнуть привязанность друг к другу. Была ограничена численность групп — до шести маленьких и до восьми взрослых детей. Детские дома обязали обеспечить обучение ребенка за пределами организации, чтобы это тоже было естественно и как в семье: все дети должны ходить в школу. Называются «новые детские дома» «центрами содействия семейному устройству» или «центрами помощи детям-сиротам» — название каждый может придумать себе сам.

НИ ОДИН ИЗ 300 БЫВШИХ ВОСПИТАННИКОВ «ДЕТСКИХ ДЕРЕВЕНЬ-SOS» В РОССИИ НЕ БРОСИЛ СВОЕГО РЕБЕНКА. И ЭТО ГЛАВНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕЕ СОТРУДНИКОВ, ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ И ВОЛОНТЕРОВ

«Я думаю, что за три года мы доведем реформу до конца. Конечно, это сложная работа — менять организацию в соответствии с постановлением. Ряд регионов бастовал и старался вывести детские дома и интернаты из-под его действия. Сначала около 30% директоров детских домов были против каких-либо изменений. Сейчас уже они отчитываются о своих успехах в реформировании. Но понятно, что на самом деле все сложнее. По тому мониторингу, который проводила лично я для Министерства образования, пока получается, что более или менее соответствуют новым нормам только 67% учреждений», — резюмирует Галина Семья.

Каждый «новый детский дом» должен теперь самостоятельно позаботиться о том, как «раздать» воспитанников в семьи. Существуют нечестные методы: слияние маленьких учреждений, где дети как раз чувствуют себя почти как в семье, в одно большое, чтобы уменьшить количество учреждений в регионе. Правильные же методы требуют немалой работы, поясняет Галина Семья. Общее число организаций для детей-сирот сейчас 1457. Из них подготовкой новых семей для детей, то есть работой с кандидатами в родители, занимается только 323 учреждения. Сопровождением приемных семей — 452, опекой собственных выпускников — 554. «Хорошим» детским домом можно назвать учреждение, организованное по «семейному типу». Именно они и рассматривались в румынском эксперименте. Но никакие реформы, считают специалисты, не могут превратить детский дом в семью. Поэтому всем хочется верить, что каждый сирота в России сможет найти свою новую маму.

ИСПЫТАНИЕ ЛЮБОВЬЮ В стране 28 млн детей. Сотрудников органов опеки, которые должны решать все вопросы, связанные с детьми, — 11 тыс. Из них

1,5 тыс. занимаются только банком данных. «Качество услуг органов опеки падает: на них возложено слишком много функций, и число этих функций только увеличивается. При этом основное базовое образование этих сотрудников — финансы и кредит. Человек с таким образованием должен, например, контролировать процесс адаптации сироты в новой приемной семье. Он со своей загрузкой за два визита в год вдруг должен увидеть, есть ли жестокое обращение с ребенком в семье. Я предлагаю передать специальным организациям все полномочия органов опеки, в которых требуются углубленные знания — психологические, юридические и другие. Этим могут заниматься те же социальные учреждения, что сейчас оказывают какие-либо услуги сиротам. Там для этого есть психологи и педагоги, специалисты», — объясняет Галина Семья.

«Приемные дети уже не совсем дети. Они знают, что взрослые умеют подводить, быть ненадежными и опасными. Приемные дети обязательно проверяют своих новых родителей „на прочность“, причем ударят по больному. Слышат фразу „Все можем стерпеть, только бы не ругался мамой“ и начинают ругаться. Нередко это проверка. Будете ли вы меня любить, будете ли вы за меня бороться и вообще стоит ли мне работать над собой для вас или лучше не привыкать, не любить?» — психолог Татьяна Панюшева много лет работает с приемными семьями в фонде «Волонтеры в помощь детям-сиротам». Ей хорошо понятно, зачем приемным мамам помощь и сопровождение.

«Но сами родители боятся этого сопровождения. Специалистов они рассматривают как вражеских лазутчиков, которые увидят синяк и донесут куда надо. Раздуть в прессе скандалы этому способствуют», — сожалеет Галина Семья.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, — негативный результат плохой профилактики социального сиротства. Дети, от которых отказались непосредственно в роддоме, — это только 5–6 тыс. сирот в год на всю Россию. Еще десятки тысяч детей остаются без попечения,

когда их семья попадает в трудную жизненную ситуацию. Никто из родителей не застрахован от внезапной болезни, финансовых проблем и прочих жизненных трудностей.

Но в России нет ни одной государственной услуги социальной поддержки мамы с ребенком, работающей на всей территории страны. Только денежные выплаты, которые зависят от возможностей региона. В 2017 году это от 500 до 1 тыс. руб. в месяц. Никакой иной помощи не предусмотрено.

«Я бывала в детских домах многих европейских стран и США и задавала там один и тот же вопрос: «Сколько у вас детей из богатых семей?» Мне отвечали сдавленным смехом. Всем понятно, что нисколько. Профилактика социального сиротства начинается с простой вещи — понимания государством способов поддержки семьи, которая вдруг попала в тяжелую ситуацию. Они разные, эти ситуации. Но два вопроса у любой такой семьи — что есть и где жить», — говорит президент фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» Елена Альшанская.

В детских домах все еще около 30% — дети «по заявлению», или «родительские» дети. Они отданы на попечение государства живыми мамой или папой. Психологи называют это пассивным отказом: ребенок оказывается в детдоме, потому что его родители или не справляются, или не хотят справиться с его воспитанием. Бедные семьи думают, что у государства ребенок будет по крайней мере сыт и одет. Мамы детей-инвалидов, мамы-одиночки, брошенные мужьями-кормильцами, понимают, что в их деревне негде учить и не с кем даже оставить на пару часов ребенка с особыми потребностями. По данным департамента демографической политики и социальной защиты населения Минтруда РФ, только 9% таких детей принимаются на пятидневку. Остальных, 21%, «сдают» в учреждение насовсем. «Задача специалистов, помогающих семье, должна принципиально ставиться иначе: не донести о неблагоприятном моменте в органы опеки, а разрешить его», — Галина Семья считает, что со временем каждый сотрудник отрасли займет эту позицию. ■